

Константин Карягин

ПЕСНЬ ДЬЯВОЛА

звуки, разъедающие нас изнутри

Константин Карягин

**Песнь дьявола. звуки,
разъедающие нас изнутри**

«Издательские решения»

Карягин К. Н.

Песнь дьявола. звуки, разъедающие нас изнутри /
К. Н. Карягин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748515-3

Сборник рассказов, скованный в одну цепь со стихотворениями, зловеще гремит ржавыми звеньями в воздухе, как надрывный крик протеста нашей заплесневелой реальности. Он воскрешает затоптанный ногами, некогда кипящий жизнью организм классической русской литературы. «Песнь дьявола» пронзительным стоном, переходящим в сиплое хрипение, вместила в себя весь ужас нашего измененного общества, подводя нас лишь к одному логическому концу — смерти. А наша жизнь — конвульсия обреченного во тьме скитальца.

ISBN 978-5-44-748515-3

© Карягин К. Н.
© Издательские решения

Содержание

Оратория бытия	6
Song az Ordög (Песнь дьявола)	6
I	7
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Песнь дьявола
звуки, разъедающие нас изнутри
Константин Николаевич Карягин

© Константин Николаевич Карягин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оратория бытия

Song az Ordög (Песнь дьявола)

Все эти события, возможно, вымысел, но любая ложь имеет свойство рано или поздно превращаться в правду. Зло многолико. Чем больше человек уверен, в том, что добро вечно, что оно обеспечивает полную защиту, тем проще будет злу поработить эту личность. Как только для зла появляется верная лазейка, оно тут же пользуется ей в полной мере. Надежда, вера и любовь – это хорошие спутники в жизни, но полагаться лишь на них – значит, совершать большую ошибку.

Все эти события, возможно, лишь вымысел, но пусть они послужат вам предупреждением. Ещё осталась мысль о том, что человек не научился внимать предостережениям; ещё есть те кто, как науку, принимают чужие ошибки, а не свои. Так пожелаем им в этом трудном деле удачи!

***

В глухой венгерской провинции находилась одна, богом забытая деревушка под названием Еружалем. Местность вокруг поселения являла себя в виде живописной природной идиллии, которую, не смотря на присутствие рядом человека, он не смог разрушить. Сама деревушка старалась казаться частью этой самой природы, ведь с севера, запада и юга Еружалем был окружён густым смешанным лесом, а на востоке текла небольшая река, носившая название Юрден. Её тёмные воды плескались игриво о сушу, стараясь своими жидкими лапками ухватиться за строения при разливах, и грустно стонала кругами на воде, когда реке это не удавалось. Деревенские домики небольшой вереницей тянулись вдоль её левого края, и, если смотреть издали, с противоположного берега на Еружалем, то казалось, что маленькие кирпичные конструкции утопают своим основанием в Юрдене. Напротив деревни, за рекой одиноко стояла небольшая католическая церковь с кладбищем на своей территории. Сам божий дом, хоть и выглядел отрешённо, но будто исполин возвышался над деревенскими строениями, оставаясь на запредельной для них высоте. Церковь и деревушку соединял каменный мост, который пролегал через реку Юрден, созданный ещё в старое время. Кроме переправы с той эпохи ещё сохранились остатки мощеной дороги, разбросанной обрывками на несколько километров вокруг от деревни. Такие брошенные островки цивилизации придавали особенную атмосферу Еружалему, позволяя видеть след былого в глухой провинции. Законсервировавшись сама в себе, деревня не просто сохранила прошлое время, его обрывки, нравы и обычаи, но и сделала это самое прошлое своим будущим.

Раньше это поселение имело совсем другой статус и положение. Еружалем насчитывал несколько сотен лет истории, и все эти годы деревня служила как перевалочный пункт, и как место, где можно было отдохнуть после дороги. Здесь, через Юрден проходил торговый тракт между двумя крупными венгерскими городами, и именно мощёная дорога, церковь и мост являли память о том времени. Сам же тракт вёл через лес, который окружает Еружалем. Лесной массив местные называли Эддам Эрду. В те времена деревня процветала, но, не смотря на это, в город вырасти так и не успела.

Впрочем, мало, что предвещало, и о том, что грядёт упадок для Еружалема. Но время шло, и власти искали более короткий маршрут для связи двух городов. Вскоре была проложена новая дорога, экономившая время и средства. Не прошло и года, как по старому тракту,

через Еружале́м и Юрден, перестали передвигаться путники. Деревушка осталась сама по себе, и медленно стала приходить в запустение. Закрылись лавки и постоялые дворы. Люди, проживающие здесь, остались на произвол судьбы.

Не смотря на новые реалии, в Еружале́ме так и проживали тридцать семей. Самая влиятельная и почётная из них – это чета Иудеш, имеющая еврейские корни. Местные жители отличались радушием и гостеприимством: любой редкий путник был здесь желанным гостем, и каждая семья в Еружале́ме была готова разделить с ним свой кров. Но, к сожалению, странники здесь появлялись очень редко.

Быт жителей деревушки был скромным. Основными видами деятельности у семей Еружале́ма являлись рыболовство и производство вина. Все полученные продукты потребляли сами, а излишки отдавали семье, которая носила имя Фаризеушок. Они имели транспорт и доставляли товары в город, взамен покупая там необходимые жителям вещи.

В качестве развлечений жители Еружале́ма предпочитали ходить друг другу в гости, а в воскресенье все посещали храм. Там проповедовал старый священник по имени Иштен. Святой отец для всех без исключения жителей Еружале́ма считался абсолютным авторитетом, и, если возникал любой вопрос, затрагивающий духовную сферу, члены семей шли сразу за советом к Иштену. С другими же вопросами жители старались справляться сами.

Жизнь бессмысленно тянулась неизвестно зачем, и забытая всеми небольшая деревушка Еружале́м шла в тёмное будущее, в котором для неё ничего не было. Всё в её жизни было неспешно и размеренно. Здесь правили добро и гармония, ибо эти явления любят захолустья, эти явления любят безнадёгу. Здесь правили добро и гармония, пока однажды не случилось одно странное происшествие.

I

Выдался погожий денёк, столь не характерный для начала апреля. Весна ещё не обрела полноту власти, но всё же достаточно окрепла, чтобы диктовать свои условия.

Священник Иштен, пользуясь погодой, медленно прогуливался вдоль реки Юрден и смотрел вдаль, любуясь красотами. На противоположном берегу, не смотря на столь раннее время суток, уже стали появляться фигуры людей. Из-за утреннего тумана они были плохо различимы и создавали впечатление фантомов, которые по какой-то причине не могут быть упокоены, и вынуждены отныне вечно скитаться по этой забытой земле. Фигуры то появлялись, то исчезали, мешались между собой. Трудовой день в Еружале́ме уже начался. «Как же здесь прекрасно», – думал Иштен, вдыхая аромат вечнозелёной ели, перемешанной с речным запахом. После всего, что повидал на своём веку семидесяти трёх летний пастор, это место стало для него убежищем; здесь он сумел спрятать и тело, и душу. Иштен с каждым подобным утром ловил себя всё чаще и чаще на мысли, что он не просто живёт, а наслаждается жизнью. Ведь в его возрасте это, пожалуй, лучший стимул для существования.

Минуло уже более десятка лет с тех пор, как Иштен перебрался из столицы в этот приход. Сюда его, как неугодного, выслали за его достаточно прогрессивные взгляды не только на церковную догматику, но и на отношение духовенства с властями. Иштен был противником взяточничества и коррупции верховных санов, а так же сопротивлялся соединению церкви и политической власти. Дабы священник не мешал высшему духовенству, его и переправили в Еружале́м. Епархия думала, что для Иштена это будет в наказание, однако сам пастор был только рад покинуть столицу, пусть ему и пришлось оставить свою отчаянную и бесполезную борьбу. В награду, на старость лет, он обрёл здесь покой. Сколько Иштен повидал на своём веку смертей, заговоров, продажных людей и ужасных болезней, но он никогда не терял веру в Бога! Пусть чаще всего все эти ужасные вещи и делались именем Господа. Но здесь же, в Еружале́ме

священник о своём прошлом старался не вспоминать, ведь у него началась новая жизнь, пусть и в столь преклонном возрасте.

Священник решил остановить свою прогулку. Оторвав взгляд от Еружалема и его жителей, пастор побрёл к церкви. Для человека, которому недавно стукнуло семьдесят три года, Иштен выглядел очень бодро и свежо. Не смотря на всё пережитое, у священника практически отсутствовали морщины: голову лишь слегка тронули седые волосы, а лучезарный свет его голубых глаз создавал впечатление, что перед тобой не старик, а мужчина зрелых лет. Лишь опыт и мудрость пастора, которые можно было уловить тонкой гранью на глубине его зеркала души, выдавала его настоящий возраст.

Иштен по праву гордился своей обителью, которую даровал ему Бог, и ненавистная церковная администрация. Не смотря на скромные размеры божьего храма, в нем было все, что требовалось священнику для деятельности. Кроме самого Иштена в церкви проживала молодая помощница по имени Мария. Она была очень робкой и красивой девушкой в свои шестнадцать лет. В деревне Мария была завидной невестой, а её природная скромность и праведность говорили о том, что она станет прекрасной женой. Девушка была отдана семьёй на обучение Иштену и за это она помогала ему по хозяйству. Кроме того у Марии открылся дар к музыке, и священник всячески старался развить её пристрастие. После нескольких месяцев обучения девушка стала прекрасно играть на органе.

В церкви стоял прекрасный орган и сам музыкальный инструмент был гордостью не только Иштена, но и всего Еружалема. Мелодия органа имела такую мощность, что была слышна даже на той стороне реки Юрден. Лучшего союзника в своих проповедях Иштен и не мечтал иметь. Каждое воскресенье мощные мелодии органа оглашали начало мессы. Кружево нот стелились в пространстве и исполняли своим танцем роль колокола. Впрочем, в храме был и сам медный громогласный инструмент, но Иштен предпочитал им не пользоваться. Поэтому именно орган разливал благую весть, приглашение на воскресное событие. На него прибывали все тридцать семей Еружалема. Даже чета Иудашей, имевшая еврейские корни, была сто процентными католиками. Здесь, в Еружалеме по-другому и не получалось. Авторитет священника был огромен и в связи с этим все старались не пропускать без веских причин проповеди Иштена.

Пастор вошёл в церковь, и сразу же поприветствовал Марию, которая в этот момент убиралась в исповедальной кабинке. Девушка при виде священника, скромно кивнув, улыбнулась и сказала:

– Падре, к вам посетители. Семья Марьтиров пришла, с сыном. Я их проводила в ваш кабинет.

– Так рано! Они давно здесь, Мария? – удивился Иштен.

– Уже около часа, – пожав плечами, проговорила Мария.

– Ох, ладно. Сразу же пойду к ним, – священник незамедлительно проследовал в свой кабинет.

Войдя, он увидел на скамеечке подле двери сидящих жителей Еружалема. Это была уже не молодая, но сохранившая следы былой красоты, мать; отец, работающий плотником, с сильными руками и подросток лет шестнадцати, ничем не примечательный, кроме своих длинных волос. Иштену было непривычно видеть одновременно столько людей, в своем маленьком рабочем помещении, которое от этого казалось ещё меньше. Здесь не было приборов освещения: днём с этой обязанностью справлялось единственное витражное стекло в дальней стене комнаты. Посреди кабинета стоял дубовый стол со стулом, за которым обычно работал Иштен, а рядом располагалась резная кровать. Помимо всего этого здесь находилось огромное количество книг – порой сам пастор удивлялся, как он смог вместить всё это сюда. Сами книги, не смотря на деятельность Иштена, мало были связаны с религией и Богом. Основная их масса – были произведениями натурфилософов и рационалистов. Здесь редкое же исключение

составляли пару теологических трактатов, которые находились на дубовом столе и выглядели истрёпанными.

Семья поприветствовала священника, Иштен ответив им взаимностью, проследовал за свой рабочий стол. Подвинув бумаги, он устремил свой взгляд на семейство Марьтиров и обратился к ним:

– Что вас, дети мои, привело в столь ранний час в обитель Бога? – проговорил Иштен, и его голос звучал так, будто он находился на проповеди.

Первой заговорила мать, с трудом сдерживая слёзы:

– Простите нас, падре, что мы так рано, но у нас есть дело, которое не терпит отлагательств.

На лице женщины мгновением прокатились парочку влажных горошин, она продолжала:

– Всё дело в нашем сыне. Я не знаю, что произошло с Изушем, но он стал вести себя странно в последнее время, будто обезумел!

Женщина уже не могла сдержать слёз, и они градом рассыпались по её ещё не совсем постаревшим щекам. Муж обнял её. Сам же мальчик в это время смотрел в пол. Было не очень понятно: то ли ему стыдно, и он не в силах поднять глаза на пронзающий взгляд Иштена; то ли ему было настолько наплевать, что пол казался ему единственным интересным предметом здесь. Мать не могла продолжать, поэтому за неё стал говорить отец:

– Всё началось с невинных шалостей, падре. Изуш уже довольно взрослый, ему уж семнадцать лет как. Я решил обучить его плотническому ремеслу, стало быть. Узнав об этом, Изуш мне сказал, мне родному отцу, что не будет жить здесь вечно, и строгать жалкие деревяшки. Ну, после этих слов я всыпал ему, конечно, по первое число, он вона до сих пор печальный сидит.

Мужчина кивнул в сторону сына.

– Но это его не исправило! – произнесла мать, сквозь слёзы. – На той неделе, Изуш украл ключи у моего мужа от винного погреба, а после этого мы нашли его там. Он умудрился осушить четыре бутылки вина!

– Что мы только не делали! – глядя на Изуша, который всё так же смотрел в пол, сетовал отец. – Я и мать разговаривали с ним, наказывали, но он с каждым днём становится всё хуже и хуже, уж и не знаю. Вчера сосед застукал его за тем, что он подглядывал за девушками то, которые мылись значит, в бане. Мы выбились из сил, я вот не знаю, что делать, я вот мы и пришли к вам за советом.

– И это только те проделки, которые мы обнаружили, падре! Я уверена, что подлец сделал что-то ещё, – произнесла мать.

Священник обвёл глазами всех присутствующих, затем он устремил свой лучезарный взгляд на мальчика.

– Изуш, посмотри на меня, – произнёс Иштен. – Зачем ты, всё это сделал? Что тобой двигало?

Подросток, без какого либо смущения и даже с едва заметной усмешкой уставился на священника и изрёк:

– Не знаю, интересно всё это было, весело. Разве для таких вещей нужны причины?

– Изуш, ты можешь спокойно рассказать, о том, что тебя тревожит. Можешь рассказать что тебя беспокоит? Здесь все люди, которые тебе хотят помочь. Зачем тебе всё это? Разве ты не знаешь, что твои поступки – это грех? Ты же исправно посещаешь мои проповеди, и ты прекрасно знаешь, где добро, а где зло. Я стараюсь об этом доходчиво рассказать. Вспомни истории про Иова, Содом...

– Знаю, но я уже сказал, что мне просто было интересно, – перебил священника Изуш, – Может быть, я хотел попробовать, что такое грех, и я вам так скажу: то, что я почувствовал, мне вполне понравилось.

– Человеку необходимо себя ограничивать, он не должен так стремительно саморазрушаться. Его низменные желания уничтожают душу. Человек перестаёт быть человеком.

– Плевать я хотел на душу! – крикнул Изуш. После этих слов на мальчика незамедлительно обрушился подзатыльник от отца.

– Прекратите! Побойтесь Бога, не хватало ещё насилия в божьем доме! – строго сказал мужчине Иштен.

Мужчина покраснел и промямлил:

– Простите, падре. Но я с ним то, сорванцом то, больше никак не получается.

После этих слов Изуш улыбнулся и сказал:

– Да перед кем ты, отец, извиняешься? Ты что его боишься? Это же старый дед, ты сильнее его, ты не должен перед ним трепетать. Он только и может трепаться о Боге, не понимая, что человек уже давно не человек, которым создал, так называемый владыка!

– Заткнись, гадёныш! Вот мы придём домой я тебе такую трёпку задам! – прошипел побагровевший от гнева отец.

Мать в течение этой сцены лишь тихо всхлипывала и хранила молчание. Иштен обратился к отцу:

– Значит так, вот как мы поступим: вы оставите мне мальчика на месяц, на временное духовное воспитание, а я постараюсь помочь ему разобраться в моральных вопросах. Пусть поживёт у меня. Вы же можете навещать его в любое время, когда захотите. О его содержании не беспокойтесь, бюджет храма выдержит ещё одного едока, тем более он будет помогать по хозяйству.

Пока говорил пастор, на лице у Изуша не дрогнул ни один мускул, создавалось впечатление, того, что ему абсолютно всё равно останется он здесь, или уйдёт домой с родителями. Чета Марьтиров не стала спорить с Иштенем, и решила, что для мальчика так будет лучше. Они попрощались, поблагодарив пастора, и вышли из его кабинета. Как только родители скрылись, мальчик обратился к священнику:

– Зачем меня учить тому, что я и так уже знаю? Я и так знаю, без вас, что такое зло, и что такое добро. Вы, священники, слишком многое о себе думаете, считаете, что только вы можете решать эти вопросы. Вы представляете одну сторону, забыв о другой стороне мироздания. Не хотели бы узнать мнения зла насчёт моральных вопросов? Мне кажется, это я могу вас многому научить, а не вы.

Священник перебирал рукописи, и, не поднимая взгляд на Изуша, спросил:

– Да? А теперь ты у нас зло? Ну, расскажи, что хотел.

Изуш усмехнулся и произнёс:

– Всё дело в неверных воззрениях и предрассудках. Зло – это когда тебе приходится делать то, что тебе не нравится, то, что вредит тебе, по вашему мнению. Но ведь в этом мире не бывает абсолютов, кроме тех, что придумали люди. Зачем же тогда нам к ним стремиться, если их нет? Нужно жить в своё удовольствие, остальное бессмысленно и глупо.

– Тебе не кажется, что это слишком узкое понятие? А как же ты объяснишь самопожертвование ради других? Ты делаешь себе плохо, но спасаешь другого человека. Что ты скажешь на это?

– Это неважно. То определение, которое я назвал – удобно. Так почему же я должен принимать какую-то другую истину? Уж точно не потому, что этого хочешь ты, старик. Уж точно не потому, что этого хочет твой Бог.

Иштен от наглости и грубости Изуша на секунду даже замер в руках с бумагами, которые разбирал, но затем, сделав вид, что не заметил его слов, продолжил сортировать. На реплику мальчика он так ничего и не сказал. Иштен лишь думал: «Откуда у него такое воззрение? Вряд ли Изуш смог достать книги с лживыми, прогрессивными идеями где-то в деревне. Он ведёт себя, как столичные дети... но здесь совсем другое окружение и воспитание. У кого он

мог хвататься таких идей? Его семья честные жители Еружалама. Все это как-то странно». Прошло около пяти минут в тишине, и Иштен обратился к Изушу, который всё это время сидел на скамейке и болтал ногами. Он был доволен собой, ведь последняя реплика осталась за ним.

– Изуш, хватит прохлаждаться, сходи к Марии, и скажи ей, что теперь ты будешь жить у нас. Пусть она найдёт тебе место для сна, если хочешь, есть, пусть накормит, а потом ты поможешь ей, приготовится к сегодняшней проповеди. Прошу тебя, веди себя нормально, не забывай, что ты в божьем доме, – оторвавшись от работы, произнёс Иштен.

– Не указывай мне, старик, тем более именем своего Бога. Готовься к своей проповеди и не забудь упомянуть меня в ней, – с ухмылкой сказал Изуш и вышел из кабинета, прежде чем Иштен успел что-либо ответить на реплику парня.

– Нужно внимательно следить за его поведением и постараться вывести мысли Изуша в нужное русло – подумал Иштен, погружившись в думы о предстоящей проповеди. Для выступления священник остановил свой выбор на книге Иова. Праведная притча человека, который, не смотря на все беды, не смотря на все уговоры жены, остался до конца со своей верой и Богом. Даже когда тело Иова поразили язвы, на его устах всё равно было имя Господа. Готовясь к проповеди, он вспомнил об Изуше, священник решил, что именно эта история будет для него достойным хрестоматийным примером. В голове у Иштена рисовалась картина мучений Иова, но какая-то неведомая сила медленно и мучительно, словно толкающий на гору шар Сизиф, доставала из памяти священника воспоминания юности. Тогда Иштен был молодым семинаристом, и душа его была подвержена страстям. Иов ушёл, а вместо него появились молодые женские тела, горячие от удовольствия, вино, льющееся рекой, и пустота, пустота. Смех Изуша. Никто не будет, как Иов, ибо все люди являются людьми, а он – героем притчи. Образы менялись в голове Иштена, мелькнули фразы Вольтера, Канта и даже Ницше.

От раздумий Иштена оторвал внезапный, женский крик, донёсшийся из главного зала церкви. Кричала Мария, и священник сразу же вскочил из-за стола и быстрым шагом направился к источнику вопля, дабы выяснить, что случилось. Перед лицом Иштена предстала неловкая картина: Мария стояла подле божьего алтаря, и на ней не было юбки. Прекрасные девичьи ноги тряслись от гнева и стыда, а рядом стоял Изуш в руках с одеждой, ухмыляясь, он рассматривал тело Марии, будто бы произведение искусства. Парень улюлюкал и скалил зубы. Иштен не верил своим глазам. Какое кощунство в Божьем доме! Священник закричал парню:

– Быстро верни Марии её одежду, подлец!

Изуш, который не видел, как пришёл Иштен, от неожиданности обернулся, но секундная растерянность сразу же сменилась новой усмешкой:

– А зачем? Она так прекрасна. Мне нравится, как она выглядит. Мне кажется, Падре, вот оно, добро. Хотя ладно, я уже насмотрелся.

После этих слов, Изуш кинул юбку подле Марии. Девушка схватила одежду и вся в слезах выбежала вон. Её силуэт мелькнул, как молния. Парень лишь проводил усмешкой девушку, а затем сел на деревянную скамейку и уставился на боковой витраж, словно, ничего не произошло. Иштен был шокирован происходящим, он никогда на своём долгом веку не видел, чтобы кто-то совершал подобные вещи в церкви, не смотря на то, что пастор повидал в своей жизни многое. Священник подошёл к Изушу и гневно спросил его:

– Зачем ты это сделал?

Изуш посмотрел на Иштена и всё с той же мерзкой ухмылкой произнёс:

– Мария очень красивая, я очень хотел узнать, что же скрывают эти грубые одежды!

Пастор, теряя самообладание, схватил наглеца за шиворот, и тихо сказал:

– Она женщина, а это божий храм! Как ты посмел? Как тебе вообще такое пришло в голову?! Мария – будущая мать, с ней нельзя так поступать. Разве твои родители не учили тебя уважать девушек?

С лица Изуша исчезла ухмылка, он попытался отдернуть руку Иштена, но тот был в неплохой физической форме для своего возраста, и это парню не удалось. Мелькнул страх.

– Да, мать. Я бы хотел сделать с ней детей. Вы видели её ягодицы? Ах да, глупо тебя спрашивать, ты уже, небось, тёмными ночами обследовал и пощупал Марию вдоль и поперёк?

Говоря всё это, в глазах Изуша играл какой-то странный огонёк, а с лица не слезала улыбка. На священника слова парня произвели ошеломляющий эффект. Иштен, теряя контроль, лишь прошипел:

– Да как ты смеешь? Ты будешь наказан, мальчик.

После этих слов пастор схватил за длинные волосы Изуша и поволок его вон из храма, на задний двор. Парень всячески сопротивлялся и кричал, осыпая проклятиями своего обидчика. Но Иштена это не остановило, он вывел молодого распутника на улицу и бросил наземь. После чего старик схватил первую попавшуюся палку и со всего размаха ударил Изуша ей. Палка свистнула в воздухе и угодила прямо по животу парню. Он справедливо ответил на встречу с твёрдым предметом диким воплем.

– Убивают! Старик с ума сошёл! Помогите! – кричал Изуш, при этом пытаясь уползти от Иштена. Но это ему не удавалось, и раз за разом парня настигал новый удар.

В храме раздался звук органа, Мария отправилась от шока, вспомнила о своих обязанностях и давила клавиши, созывая на проповедь Еружалем. В этот момент через мост переходили все жители деревни. Люди шли на исповедь и слышали крики Изуша. Толпа побежала на вопли парня, и там увидели картину избияния мальчика. Женщины закричали:

– Падре, прекратите, ему же больно! Вы его убьёте!

Но Иштен как будто не слышал вопли толпы. Не слышал он и звук органа, а лишь продолжал самозабвенно бить мальчика. В его голове стояла сцена молодости: когда он и его друзья изнасиловали девушку, а кто-то из товарищей забил её до смерти, чтобы она не сдала их властям. Нет, нет! Отомстить! Заступиться!

Избиение продолжалось до тех пор, пока один из прибывших мужчин, не сбил священника с ног. Иштен рухнул на землю, словно, не замечая окружающих его людей, прошипел: «В нём дьявол!», после чего потерял сознание.

– Пап, зачем ты меня с ним оставил? Он домогался до меня. У него странные методы показывать добро, – кричал Изуш, продолжая лежать на земле. Мальчик рыдал.

II

С того события прошла почти неделя. Сильный телом и духом Иштен, после пережитого, слёг с хворью, которая медленно, но уверенно отнимала силы священника; на его долю выпадали такие часы, когда он был уже одной ногой в могиле. Образы прошлого разрывали Иштена вместе с телесным недугом. Бесконечные поступки и проступки из бурной молодости, как коса резали душу, оставляя после себя неизлечимые порезы.

«Не достоин», «Не имеешь права», «Ты жалок, как ты можешь вести людей за собой», – шептали голоса в моменты полного отчаяния, и тогда, именно тогда Иштен чувствовал её. Нет, не смерть, а всё поглощающую пустоту. Она шептала, пугал и манила. Священник был готов нырнуть в неё с головой. Что-то держало... слишком рано, слишком.

Иногда пастору становилось лучше. В минуты, когда хворь на время отступала, Иштен звал Марию, на которую теперь в полной мере взвалилась вся работа в церкви. В эти часы просветления, когда пастор обретал рассудок, Иштен, не жалея себя, диктовал девушке свои мысли, а она без искажения записывала за ним каждое слово.

«Вот он – ад, я покажу его. Какая праведность в мире, где можно вообще представить ад?».

Пустота.

Мысли пастора блуждали, как души убитых детей. Они визжали и кружились водоворотом и иногда одаривали священника своей улыбкой. Иштен ловил их, отбирал и хриплым голосом давал им жизнь.

Иногда Иштен спрашивал у Марии, как идут дела в деревне и почему никто не приходит его навещать. События, которые предшествовали болезни священника, растворились в мутном сознании, а Мария, сообразив, решила не напоминать Иштену о происшествии. На все вопросы девушка отвечала уклончиво, что-то вроде: все жители заняты по хозяйству или передавала вымышленные пожелания выздоровления. Иштен после этих слов всегда становился бодрым, и с двойным усердием диктовал Марии свои мысли, при этом обязательно добавлял, что если не к этой воскресной проповеди, то точно к следующей обязательно поправиться.

В самой же деревне произошёл раскол на два лагеря. После того, как почти все жители Ерушалема стали свидетелями сцены избиения Изуша, между семьями начались многочисленные споры о профессиональной пригодности Иштена. Большинство семей настаивало на том, что нужно писать духовенству в столицу, дабы им прислали нового пастора, а Иштена предлагали ставить в покое. Особо радикальные противники нынешнего священника, среди которых была мать Изуша, предлагала наказать Иштена, устроив самосуд, но её сторону принимали немногие. Про проделки Изуша знали многие. Были, хоть и в меньшинстве сторонники Иштена. К ним, в первую очередь, относилась семья Марии и они хотели, чтобы пастора оставили в покое. Более того, сторонники Иштена приходили в негодование, когда остальные семьи не верили рассказам Марии о Изуше.

Апогей противостояния произошёл, когда Мария пришла в деревню спустя несколько дней после происшествия за продуктами: к ней подошёл хранитель закона Ерушалема по имени Понтий, и начал задавать странные вопросы. Не стесняясь, со всей полицейской простотой он спрашивал о том, насилии со стороны Иштена. Так, как деликатность у полицейского отсутствовала с рождения, Мария глубоко возмутилась действиями законника и пожаловалась родителям. Назревал ещё один скандал. Масло в огонь подливал и отец Изуша, рассказывая, что священник его умолял оставить мальчика, а он долго не соглашался, но под давлением, всё-таки сдался. Не смотря на то, что у Иштена оставалась поддержка, большинство жителей Ерушалема были против пастора, и, решив действовать, они подготовили коллективное письмо в столицу, дабы им прислали нового священника, а Иштена освободили от должности и отправили на покой.

Прошло ещё полторы недели и Иштен, огороженный от деревенских слухов и обвинений, шёл на поправку. Видения пропали. Мало-помалу силы возвращались к пастору и он принял для себя решения, что проведёт в грядущее воскресенье проповедь. Вскоре он стал уже самостоятельно вставать с кровати и даже выходил во двор церкви, где проводил время, сидя на скамейке и рассматривая воды Юрдена вместе с величественными лесами, которые окружали эту благородную местность. В такие моменты ветер витал в голове у Иштена. Обычно заполненное думами пространство черепной коробки в этот момент пустовало. Не получалась у пастора и работа с трактатом. Пустоты рядом не было.

Накануне воскресной проповеди Иштен прибывал в приподнятом настроении, ведь он возвращался к своему любимому, пасторскому делу. Священник попросил Марию сходить в Ерушалема, дабы она оповестила всех о готовящейся проповеди. Мария долго пыталась отговорить Иштена, чувствуя угрозу душевному равновесию.

– Падре, мне кажется, что вы ещё недостаточно хорошо себя чувствуете, может, повремените с проповедью?

Но Иштен твёрдо стоял на своём:

– Нет, Мария. В моём возрасте можно болеть до самой смерти. Лучше чувствовать меня может заставить только общение с моими прихожанами, да звук органа, который будет петь под твоими пальцами!

Не сумев убедить Иштена, девушка покорно пошла в деревню. Как и ожидалось, немногие с радостью восприняли весть о том, что Иштен собирается провести проповедь. Кто-то вежливо придумал себе дела. Злые языки же позволяли себе отпустить пару колких шуток. Особенно отличился отец Изуша, который сказал:

– Заманчивое предложение, я, пожалуй, приду. Заодно с собой позову всех детей Еружалема, а после проповеди, в которой Иштен будет говорить о добропорядочности, праведности, я позволю ему побить палкой всех пришедших детей. Сам лично дам ему оружие божественного возмездия!

Нашлись семьи, которые решили всё – таки пойти на проповедь. Кто-то из них поддерживал Иштена, кто-то не хотел нарушать традицию, ну а кто-то просто хотел посмотреть в глаза священнику и послушать, что он будет говорить в этот раз. Тех, кто согласился пойти, Мария попросила не напоминать Иштену о событиях, так как это могло плохо повлиять на его здоровье. Со всех она взяла честное слово, что они не станут будить воспоминание об избиении Изуша. Ночь с субботы на воскресенье выдалась для неё без сна. Сердце чувствовало, а старуха со своими звёздами и луной обо всём догадывались и шептали Марии на ухо.

Воскресным утром, наконец-то, прозвучали звуки органа, который до этого молчал. Его по-настоящему мощная песня ручьём лилась из медных трубок и уносилась прочь, разливаясь и отдаваясь эхом среди густых лесов, и перемешивалась с тихим переливанием реки Юрден. Сей музыкальный поток находил место в сердце людей: и у тех, которые шли на проповедь через каменный мост, и у тех, которые её сегодня решили пропустить.

Иштен уже с пяти часов утра был на ногах, готовясь к проповеди. Такого волнения как сегодня он давно не испытывал, ведь его наставническое слово не прерывалось до сих пор. Ни одно воскресенье в течение этих десяти с половиной лет не обходилось без проповеди для жителей Еружалема, и Иштен даже чувствовал некую вину за свою болезнь. Поэтому сегодня он хотел отдать душу и разумом жителям деревни полностью. Лишь сон, приснившийся накануне полный тьмы и пустоты, настораживал Иштена. Но зачем верить в эти языческие приметы, когда предстоит божья благодать?

Когда в церковь стали входить первые люди, Иштен уже стоял за кафедрой и приветствовал прихожан. Те, в свою очередь, здоровались со священником, но все это делали по-разному. Кто-то радостно улыбался, кто-то осторожно вскидывал руку, ну а кто-то отделялся сухим и вежливым кивком головы. Когда все люди разместились в храме и расположились по скамейкам, Иштен обвёл глазами присутствующих, и заметил, что сегодня зал церкви был полупустой. Пастор неприятно был поражён, и вопросительно произнёс:

– Что-то сегодня многие опаздывают... а у остальных какие-то важные дела? Скоро они будут? Мне бы уже хотелось начать.

Прихожане уставили свои глаза на Иштена, и кто-то из мужчин, с дальних рядов сказал:

– Падре, они не придут, вы можете начинать.

Иштен посмотрел на того, кто произнёс эти слова. Удивление священника возросло. Он спросил:

– Почему не придут? За десять лет моей службы здесь такого никогда ещё не было. Что случилось?

Люди затихли, никто не мог смотреть на священника. Мария за органом закрыла глаза, сдерживая слёзы. Сердце чувствовало, а старуха-ночь шепнула. Все боялись произносить ответ на вопрос пастора. Иштен обводил прихожан своим взглядом, намереваясь вцепиться глазами в кого-то из них, и пытаться своим лучезарным взглядом, перед которым никто не мог устоять. Тишина постепенно делалась невыносимой, и священник снова повторил свой вопрос. На этот раз всё тот же мужчина, который расположился на самой дальней скамейке, не выдержав тишины, сказал:

– Это всё из-за той ситуации... ну, которая у вас произошла с сыном Марьтиров, Изушем.

После этих слов, у Иштена всплыла та злополучная сцена с избиением мальчика. Единственно ему стало стыдно и дурно, в глазах всё потемнело. Тёмные образы возникли перед глазами. Прошлое сдавило. Друг насилует девушку при негласном одобрении Иштен. Кресты на мантии... просто знак, просто знак. Силы снова покидали Иштена, он лишь сумел произнести:

– Спасибо... что вы все пришли. Мне сегодня что-то плохо, проповеди не будет, простите меня. Простите меня... за всё. Мария, будь добра, проводи меня до покоев, пожалуйста.

Информация о сорванной проповеди из-за напоминания об инциденте с Изушем, быстро разошлась по всему Еружалему. Злые языки говорили о том, что старик притворялся. Иные наоборот видели в реакции Иштена раскаяние. Но, почти все жители деревни сходились во мнении, что их нынешний священник уже не может нести службу по состоянию здоровья.

– Ему просто стыдно было смотреть в глаза честным людям, особенно когда я ему напомнил об этом! – говорил Михаэль из семьи Апоштале.

– Не доброе всё это... дурное знамение, я говорю вам! – пророчил старец, почти ровесник Иштена, по имени Иван из четы Теологушей. Этим днём Еружалем ещё долго не мог уснуть, обсуждая события, которые произошли в божьем храме.

Шло время, а Иштену с каждым днём становилось только хуже. Священник слабел, и уже не мог диктовать Марии свои мысли для трактата. Он лишь изредка приходил в сознание и шептал в полубреду: «Вот он ад, он рядом. Слишком порочный... слишком слаб. Он найдёт путь! Лишь бы не услышать его песнь!» Мария, глядя на мучения наставника, ходила сама не своя, и, как помешанная, дежурила у кровати Иштена, забыв о своих иных обязанностях. Церковь медленно, но верно превращалась в заброшенное место. Казалось, насколько увядал Иштен, настолько и разрушалась божья обитель. Храм, и сам священник ежедневно переносили тяжкие муки, которые не оставляли право и возможность на жизнь. Лишь только ночью, когда Иштен погружался в тревожный сон, а стены церкви окутывала ночная тьма, скрывая запустение, судьба дарила им, обоим передышку, тем самым настраивая на новые страдания с началом дня. Орган в мотив общего уныния молчал, теряя медь своих трубок.

В один из мучительных дней для Иштена к нему пришёл посетитель. Это был Изуш. Мария в это время ещё крепко спала, и парень, словно почувствовал момент, явился вольготной походкой в дряхлеющий храм. Изуш, без каких либо церемоний и приветствий, вошёл в покои пастора и сел на плетёное кресло возле кровати священника, где обычно сидела Мария. Парень уставился с лёгкой ухмылкой на Иштена. Старик же, в свою очередь, собрав остатки сил, хрипя, тихо изрёк:

– Что тебе нужно здесь? Убирайся из этого святого места, богохульник!

Изуш и не думал следовать гневному приказу Иштена, он лишь больше оскалился и сказал:

– Что-то это место мало стало похоже на святое, тебе не кажется, старик? Пока ты потихоньку подышаешь, это место тоже приходит в запустение. Признаться честно, я этому очень рад, ведь самые худшие часы в моей жизни были походами каждое воскресенье сюда, – Изуш притворно закатил глаза, а после его передёрнуло, будто бы он съел целиком лимон, – Здесь мне приходилось слушать бредни старого идиота, и как же прекрасно, что теперь вся эта чушь позади!

Иштен попытался дотянуться рукой до Изуша, но из-за нехватки сил у него это не вышло. Такие нелепые действия лишь рассмешили парня.

– Что, не можешь теперь меня бить палкой, мало сил? Не стоило тебе связываться со мной, святоша! У меня есть могущественный покровитель, который сильнее твоего Бога! Этот мир его. Скверно, наверное, тебе сейчас?

Священник, глядя в глаза Изуша, произнёс:

– Нет никого сильнее Бога. Нет ничего сильнее веры в Бога!

– Не очень в это верится, старик, – понизив тон, почти шёпотом произнёс незванный гость, – ведь твой «всемогущий» Бог тебе не может помочь справиться с твоей хворью, а мой хозяин может её на тебя наслать!

– Кто в тебя вселился, мальчик? – Иштен хрипел и кашлял, – кто твой хозяин?

Изуш улыбнулся, а затем сказал:

– Тебе все имена назвать, старый козел?

После этих слов, у Иштена по телу пробежал холодок, а грудь сковал необъяснимый, дикий страх. Изуш подошёл к полке с книгами и взял одну из них в руки. На чёрной обложке золотистыми буквами было изображено название: «Душа – миф человечества». Парень pokrутил в руках книгу, после чего демонстрируя священнику трактат, произнёс:

– Божьи рабы и такое читают? Тебе не кажется, что это как-то противоречит божьим заветам? А если я ещё поищу, может быть, найду книгу под названием: «Бог – миф человечества? А? Стоит? Верить сам-то в Бога? *Достоин* ли ты этой веры? – голос Изуша звучал странно и неестественно.

Пастор на слова Изуша лишь закашлял. Она рядом. Пустота и этот мальчик её раб. Не достоин, быть за Бога, не достоин. Слишком слаб. Что за странная мелодия?

– Да, видимо, тяжело приходится Богу, когда даже его верные слуги подвергнуты сомнениями, – продолжил парень, открывая книгу. – Хм, занятая книга, ты же не против, если я заберу её? Тебе она уже вряд ли понадобится, ты всё равно скоро умрёшь!

Изуш закрыл и сунул том «Душа – миф человечества» под мышку. Внезапно, слегка приподнявшись на кровати, Иштен произнёс:

– Как же ты смешон, мальчик. Ты думаешь, служа ему, ты проживёшь счастливую жизнь? Я не удивлюсь, если ты умрёшь раньше меня, истощив все свои жизненные силы, убив своим выбором себя. Ты рассчитываешь, пустив его в душу на взаимовыгодное сотрудничество? Наивно. Вместо всего этого ты получишь боль и смерть в этом мире, и страдания в вечности, – пастор рассмеялся. Прошлое. Он был как Изуш. Он *был* Изушем.

Лицо Изуша вспыхнуло гневом, он подлетел к кровати священника и схватил его за горло. Брызжа слюной, диким голосам одержимый произнёс:

– Не смей подвергать сомнениям мой выбор! Иначе я тебя задушу этими руками, святой выродок! Я свободен, я не раб, в отличие от тебя!

После этих слов, будто придя в себя, Изуш отступил на шаг от кровати и уже изменившимся, спокойным голосом сказал:

– Я всегда удивлялся, как вы, святоши,ставляете наш мир как вечное противодействие добра и зла, как же так? Почему ваши воззрения столь узки и слабоумны? Старик, пойми, нет абсолютов, к которым вы в своих проповедях постоянно призываете, есть только цель. Ради этой цели и ваш Бог, и Дьявол совершает абсолютно любые поступки. Будь то доброе совершение или злое. Никто не чурается этого, ведь все средства хороши. Когда Он приходил ко мне, всё было показано. Он продемонстрировал мне, что есть что. Вы в своих проповедях называете его «Князем лжи и обмана», но сами же, под эгидой Господа вашего, врётё, либо говорите то, что сами не осознаёте и не понимаете, а это ещё хуже, чем лгать. Старик, мне было сделано предложение, от одной из самых больших сил мира сего, так зачем же мне отказываться?

Иштен ничего не ответил, а лишь разразился новым приступом кашля. Изуш с интересом смотрел на мучения священника. В этот момент в комнату вошла Мария. Она слышала голоса, и ей стало интересно, кто тревожит больного священника, к которому, почти не приходили посетители. Войдя в покои и увидев Изуша, Мария истошно закричала:

– Ты! Мелкий ублюдок, убирайся отсюда! Как ты смеешь сюда приходиться?!

Изуш никак не среагировал на вопли Марии, лишь улыбнулся. Иштен, сквозь хрип произнёс:

– Мария, мы никого не прогоняем из божьего храма, он сам сюда пришёл, возможно, он пришёл за помощью.

Изуш обернулся к Иштену и хмыкнул:

– От слабого старикашки, мне помощь не нужна! А вот эта девка мне может помочь, утолить мою жажду, так сказать.

Изуш кивком указал на Марию. После этого, ни секунды не медля, девушка залепила пощёчину наглецу. Парень никак не отреагировал на удар. Показалось, что он не нанёс никакого ущерба ему. Изуш посмотрел на Марию и произнёс:

– Что не терпеться? Хочешь прямо сейчас? Давай, покажем святоше, как веселятся молодые! Покажем ему, что позволяет делать истинная свобода!

После этих слов, Изуш схватил Марию за ягодицы и начал жадно их сжимать. Девушка вскрикнула, хотела оттолкнуть парня, но у неё это не вышло. Изуш крепко вцепился, в нём пробудилась необычная сила, которая совершенно не соответствовала худощавому телу. Смеясь, парень стал лезть под юбку Марии, после чего он свалил девушку на пол, и стал рвать одежду, оголяя прекрасное девичье тело. Иштен от бессилия стал читать вслух молитву. Сквозь хрип он просил у Бога помощи и защиты, но с каждым произнесённым словом вера его улетучивалась. Изуш заслышав молитву, оставив девушку на полу, подбежал к священнику и стал бить его по голове томиком «Душа – миф человечества». Парень продолжал наносить удары, пока Иштен не потерял сознание.

Иштен очнулся поздней ночью. Обрывки сновидений мерцали наяву. Пустота была рядом не только в дрёме, но и после пробуждения. Священник оглянулся по сторонам, в его покоя никого не было. На полу валялась одежда Марии, и были следы крови. Эту картину Иштен смог разглядеть с помощью хитрого лунного света, который так любил оголять всё самое мерзкое.

Внезапно, тишину разрезал звук органа. Из инструмента полилась дикая, весёлая мелодия. Каждая нота, словно смеялась над храмом, в котором она звучала. Звук разливался, как маленькие дикие бесы, перемещался по воздуху, неся с собой шалость и насмешку. Иштен почувствовал страх от мелодии, необъяснимый и почти животный ужас. Он узнал эту музыку. Что-то из молодости, давнишнее, но при этом пастор знал о том, что это его будущее, что этого его конец. Кататония наполнял тело пастора, заглядывая даже в самый укромный уголок, и когда наступил апогей страха, к ужасной мелодии добавилась песня.

*Плещутся рыбки в речушке
Целует ребёнка мать
За ручки идут подружки
А дьявол? А дьявол должен убивать!
И наплевать, что он устал
И всё равно болит ли голова
Ведь дьявол должен убивать!
Ведь дьявол должен убивать!
Как жаль тебя! Такая вот судьба!*

*Солнышко светит утром
Птички поют опять
Кот убегает плутом
А дьявол? А дьявол должен убивать!
И наплевать, что он устал
И всё равно болит ли голова
Ведь дьявол должен убивать!*

*Ведь дьявол должен убивать!
Как жаль тебя! Такая вот судьба*

*Устал наш дьявол от насилия
Но не закончит он играть
И не желание с бессилием
Не смогут на это повлиять
Ведь дьявол должен убивать!
И наплевать, что он устал
И всё равно болит ли голова
Ведь дьявол должен убивать!
Ведь дьявол должен убивать!
Как жаль тебя! Такая вот судьба*

*Спят рыбки в речушке
Лежит мёртвая мать
Пристрелили друг друга подружки
А дьявол продолжает убивать!*

Песнь исполнял женский голос и Иштен узнал Марию. Но это уже был не её прекрасный ангельский голосок, теперь он больше походил на голос старухи, употребляющая табак всю свою жизнь. Иштен от страха снова стал читать молитву, и, собрав последние силы, у священника получилось встать с кровати. Иштен читал молитву, но не верил ей. Он больше не верил ни во что, кроме пустоты, что находилась где-то рядом. Он больше не верил ни во что, кроме песни, которую исполняла Мария. Песнь дьявола.

Не позаботившись об одежде, Иштен, шатаясь, вышел в главный зал храма, где стоял орган. Перед его глазами предстала страшная картина. Все деревянные скамейки для прихожан превратились в огромную кучу дерева, которая была сложена подле кафедры в виде костра-шалаша. Чуть дальше располагался крест размером с человека, сбитый всё из тех же скамеек. Иштен бросил взгляд на Марию, которая сидела за органом. Девушка была растрёпанная и голая, и играла так, будто в неё вселился бес. Она пела хриплым голосом, и мотала головой в такт музыки, а её тело, словно в припадке тряслось в конвульсиях. Изуша не было видно. Священник, бормоча под нос проклятия и молитвы, подошёл к органу:

– Что ты делаешь, дитя моё! Перестань играть и распевать эту богохульную песню! Ты берёшь на душу огромный грех! – Иштен произнёс эту фразу слишком спокойно и проникновенно, что вовсе не соответствовало его состоянию. Священник не поверил ни одному своему слову.

На Марию воззвание тоже не произвело никакого впечатления. Она, словно не слыша священника, продолжала самозабвенно петь, и заставляла орган издавать зловещие звуки. Иштен предпринял попытку силой оттащить девушку от органа, но неможное тело лишь отозвалось болью.

За спиной священника раздались ленивые шаги. Это был Изуш. Парень двигался, дирижуя рукам в такт музыки, и слегка пританцовывал при каждом новом шаге. Он заметил Иштена, махнув ему рукой, сказал:

– Дьявол должен убивать, не правда ли вы так считаете, падре?

Священник зашёлся кашлем, и облокотился к стене.

– Ну что ты, старик? Тебе совсем уже плохо, твой Бог уже тебя ждёт на том свете? Как ты думаешь, он будет доволен тем, что ты позволил допустить такой хаос в его обители? Я думаю, он рассердится и отправит тебя в ад, тем более, если учесть твой интерес к вольнодумцам и их

трудам. Плохой Иштен, очень плохой! – издевался Изуш, делая шаг за шагом по направлению к священнику.

– Какой же ты глупый, мальчик! Своими, вот такими выходками и песнями ты привлёк всю деревню, этот старый орган слышно на той стороне Юрдена, скоро здесь будет все жители Еружалама, и они увидят, кто ты есть на самом деле! – кашляя, изрёк из себя Иштен.

Парень улыбнулся:

– Старик, старик. А ты не думал, что я сам хочу, что бы они сюда пришли? Ты вот для чего этот орган использовал? Для того, что бы созывать людей на проповедь, вот и я тоже хочу созвать их на проповедь? Только, в этот раз здесь будут слушать меня, здесь будет моя речь, а не твоя скучная нудятина, о Боге и праведности!

Изуш приблизился вплотную к священнику. Иштен от неоправданного страха пред этим, тощим паренком, вдавился в стену. Он не верил своим глазам и ушам, и впервые, за семьдесят три года Иштен захотел умереть от бессилия.

– Боишься меня? Правильно делаешь. Я вижу тебе от болезни тяжело стоять, извини, но все скамейки понадобились для дела. Впрочем, для тебя у меня есть место, – сказав это, Изуш схватил священника за горло одной рукой и приподнял над полом. Мария при этом перестала играть и смотрела, на эту сцену, весело хохоча. Парень, таща Иштена к кресту, обратился к Марии:

– Ты, что моя дорогая перестала петь и играть? Твоему Изушу нравится, когда его маленькая девочка поёт и играет. Продолжай, я прошу тебя.

Мария надула губки, как обиженная маленькая девочка, затем взяла свою грудь в руки и потрясла её.

– Что ты хочешь, дорогая? – поинтересовался у девушки Изуш.

– Мария, хочет Изуша. Мария хочет, что бы хозяин ласкал Марию, – произнесла Мария.

– Что же он сделал с ней? – думал священник.

Изуш притащив священника к кресту, всё так же держа одной рукой его за горло, прислонил к сооружению, а второй рукой со всей силы воткнул гвоздь в левую ногу пастора. Сила была такой, что железяка насквозь пробила ногу и деревянный крест. Священник закричал так, как никогда не кричал в своей жизни. Это был крик ужаса, страха и боли. Это был вопль смирения.

– Мария, продолжай петь и играть, я не хочу слушать ор этого болвана. Потом мы с тобой позабудемся, – скомандовал девушке Изуш, при этом вгоняя следующий гвоздь, уже в руку Иштена. Тьма поглотила пастора. Он слышал знакомые голоса, все те речи, что сопровождали его жизнь. Обрывками они возникали перед ними, и теми же мимолётными оборванцами. Такие важные слова! Нет! Всё пустота. А вот, кстати, и она! Вот он настоящий ад! Иштен был в пустоте. Ничего, вокруг ничего! На третьем гвозде священник умер, Господь избавил Иштена от мучения. Или нет, не было никакого такого Господа. Как? Почему?

Труп священника висел на кресте в той же позе, что и висел Иисус на распятие, сам Изуш об этом позаботился.

«Плещутся рыбки в речушке...»

Изуш медленным шагом подошёл и зажёл костёр.

«Целует ребёнка мать...»

Парень разорвал на Иштене одежду и серебряным подсвечником, из храма впился в плоть священника.

«За ручки идут подружки...»

Подсвечником Изуш на груди вырезал символ Бафомета. Кровь Иштена оказалась на руках парня, и он начертил себе на лбу, точно такой же знак.

«А дьявол? А дьявол должен убивать!» – допела куплет Мария.

На улице слышались громкие голоса, двери храма с грохотом распахнулись, в божью обитель вбежали мужчины с факелами, вилами и прочим подручным оружием. Всю процессию вёл человек в одеждах, которая отличалась от одеяний остальной толпы. Его внешний вид явно выдавали человека, который к местным не имел никакого отношения. Это был Фридрих Ешцин, молодой священник, которого послали на замену Иштену.

Увидев перед собой костёр, распятого пастора, полуголую Марию, которая продолжала безумно играть на органе, и Изуша стоявшего за кафедрой, у которого на лбу был символ Бафомета, толпа оцепенела, это было явно не то, что они ожидали увидеть. Люди думали, что Иштен окончательно сошёл с ума и заставляет бедную Марию играть ужасные мелодии на органе.

– Наконец – то! Я уже вас заждался! Долго же вы собирались, чтобы сюда прийти! Вот, ваш старый священник не смог дождаться, больно долго вы, – с насмешкой проговорил Изуш.

Внимание людей заострилось на распятом пасторе.

– Он... мёртв. Иштен мёртв! – крикнул Фридрих Ешцин.

– Да. Я тоже думал, умру, пока вы придёте, идиоты, – крикнул парень.

– Люди, это он! – обратился ко всем новый священник. – Это он убил Иштена, и осквернил божий храм. Изуш Марьтир я обвиняю тебя в святотатстве в божьем храме! Констебль, мы должны арестовать этого маньяка!

Законник Понтий кивнул и крикнул толпе:

– Взять щенка! Можете его хорошенько покалечить, но так, чтобы хватило у него сил выдержать справедливый суд.

Толпа тронулась с места, борясь со страхом, они шаг за шагом приближались к кафедре, за которой стоял Изуш. Парень перед лицом надвигающейся угрозы лишь улыбнулся, а затем вскинул руки, крикнул:

– Огонь, стихия моя, помоги мне!

После этих слов, костёр, горевший рядом, вспыхнул со страшной силой, и его пламя стало распространяться по всему залу. Огонь вырос стеной, отделив Изуша от толпы.

– Это всё обман и иллюзия, дьявольские проделки, не бойтесь, друзья, главное, верить! – крикнул человек, находившийся впереди толпы. Это был Лот из семьи Шодом. Он побегал вперёд, сквозь стену огня. Но, лишь соприкоснувшись с пламенем, Лот превратился в прах. Люди же, увидевшие это, с криком побросали свои орудия и ринулись из храма, но Изуш вновь взмахнув рукой, заставил неведомую силу остановить толпу, и та замерла в оцепенение, не в силах тронуться с места. Движением кистью Изуша и люди обернулись лицом к Изушу.

– Не так быстро, куда это вы собрались? Я только начинаю своё представление. Вам не кажется, что это неуважение ко мне? От Иштена вы так быстро не сбегали, – улыбаясь, говорил парень.

– Да, что ты такое за существо! – с трудом проговорил, через оцепенение Фридрих.

– О, какие люди. Новенькое лицо в деревне! Ты должно быть новый священник для Еружалема, для этой маленькой, уютной дыры? Забавно, такой молодой человек, а уже ищешь утешение у Господа?

– Это не твоё дело, демон! Именем Христа, я приказываю тебе выйти из этого тела.

– Ну не надо вот всего этого. Я вижу сомнение в твоей душе, поэтому твои приказы не действуют на меня. У меня может тело и паршивое, но я тот, кто я есть. Скажи, ты ведь в религию пошёл ради власти, она тебя влечёт, не правда ли? О, я вижу это, мой дорогой Фридрих.

– Назови мне своё имя!

– С чего бы это вдруг? Ты хочешь сотрудничать со мной, или ты хочешь меня попытаться изгнать? Поверь, моё имя тебе не понравится.

– Именем Господа нашего, Иисуса Христа я заклинаю тебя, демон, назови мне своё имя!

Изуш засмеялся.

– Отвечай мне, демон! Я заклинаю тебя...

Парень с ухмылкой спросил:

– Кого это ты заклинать собрался? Силёнок у тебя не хватит, даже если я назову тебе своё имя. Но если ты настаиваешь, то моё имя – Сатана, Дьявол, король мира материального, князь тьмы и повелитель ваших жалких душ!

Слова Изуша прозвучали как громогласный рык, с потолка храма посыпались камни на людей. Кто-то из толпы рухнул на пол замертво. Изуш заметив это, сказал:

– О, простите, я случайно. Но вы ведь знаете, что дьявол должен убивать, а иначе никак, но дьявол убивает лишь врагов, лишь тех, кто для него бесполезен, кто не хочет с ним быть. Это вынужденная мера, увы, но я становлюсь добрым другом и могущественным союзником тому, кто примет меня в своё сердце и душу. Мне тоже нужны последователи, чем я хуже Бога? Но в отличие от него, я с благодарностью отплачу за верную службу мне, и я никогда не назову вас рабами, для меня вы будете добрыми друзьями, а те, кто из вас будет предан максимально, станет моей семьёй.

– Не слушайте его, это очередная ложь. Не забывайте люди, его зовут лукавым и повелителем лжи неспроста! – крикнул, найдя в себе смелость, Фридрих Ешцин.

– Какая храбрость, какие смелые слова! Я ценю свободу воли и смелость, – улыбнувшись, произнёс Изуш.

– Как такое могло произойти, как ты смог себе такое позволить! Это божий храм! – проорал бешено молодой священник.

Изуш облокотился на кафедру, и, обведя взглядом оцепеневшую толпу, произнёс:

– Теперь это мой храм, а вы все приглашены на мою проповедь. Мария, иди ко мне!

Девушка, которая до этого играла на органе, остановила своё занятие, после чего широко улыбаясь, подбежала к Изушу. Парень вышел из-за кафедры и встал подле неё, затем обратился к девушке:

– Хочешь доставить мне удовольствие? Поможешь мне провести проповедь?

Мария радостно захлопала в ладошки, и встала на четвереньки, слегка раздвинув ноги, продемонстрировав удивлённым людям свои ягодицы и девичий цветок. Одновременно с этим она стянула штаны с Изуша и стала убаюкивать его. Толпа была поражена этим зрелищем: какой разврат в божьем храме! Но через мгновение многие стали ловить себя на мысли, что им это нравится. Несмотря на то, что это действие происходит в божьем церкви, такое зрелище было прекрасным, ведь жёны в Еружалеме и близко никогда не делали то, что сейчас вытворяла Мария. Кто-то из толпы даже подумал: «Если можно будет получать такое, то с дьяволом явно быть выгодней». «Новый проповедник» чувствовал настрой в толпе, и шепнул Марии, чтобы она делала это более усердно и вызывающе. Девушка покорно встала в пол оборота к толпе, что бы людям было виднее, как именно она убаюкивает. Изуш фальшиво откашлялся и начал свою проповедь:

– Дорогие прихожане, в это смутное время, используя стечение обстоятельств и случай в своих целях, я собрал всех вас здесь. Я очень рад, что вы пришли, почти добровольно на мою проповедь. Изуш остановился, его голос дрожал от удовольствия. Но собравшись, он продолжил:

– Вы все – выходцы из католических семей, имею огромную честь в частности приветствовать здесь священника. Изуш кивнул Фридриху Ешцину, который не сводил глаз с умелых действий Марии.

– С детства вы привыкли к рассказам о том, что Сатана, Чёрт или, как там ещё меня называли, является для вас злейшим врагом. Вас пугали мной, когда вы плохо себя вели, когда не хотели чего-то делать и так далее. Но я враг не вам, а вашему хозяину, который зовёт вас рабами своими. На самом деле сейчас, когда вы все уже выросли мало, что изменилось. Свя-

ценная епархия продолжает вас пугать мной, ради того, что бы вы ходили в церковь, оставляли подаяния и позволяли им паразитировать на вашем труде. Иначе все они, в том числе и уважаемый Фридрих, останутся без средств к существованию. Кроме того, как пугать мной, бубнить глупые молитвы, и трактовать книгу, которую тысячу раз переписывали, эти бездари больше ничего и не умеют. Фридрих, прости. По сути, с рождения, воспитанные в таких условиях у вас не было права на выбор, вы не могли поступить иначе, и даже если бы я к вам явился каждому по отдельности, и рассказал всё это, вы бы меня прогнали, не оставив не единого шанса указать вам другой путь. Да и чего увивать, вы своих детей воспитали точно так же, как до этого воспитывали вас родители. Взять, к примеру, Изуша, в чьём я сейчас теле, или Марию. С ними были определённые проблемы, прежде чем я смог убедить их присоединиться ко мне, а теперь выбор сделан и они счастливы. В подтверждение своего счастья, Мария громко причмокнула, Изуш продолжал:

– Сегодня я хочу показать вам новую жизнь, полную богатства и земных удовольствий. Вы живёте в Еружалеме всё своё время, и очень мало кто из вас видел другие места, никто не пробовал настоящие, земные удовольствия, к примеру, как это.

Изуш рукой показал на Марию, а затем этой же рукой он схватил её за затылок, дабы ускорить процесс. После чего парень продолжил, закатывая глаза от удовольствия:

– Так вот, сегодня ваш счастливый шанс, дабы выбрать новый путь, который могу дать вам я. Этот путь службы мне, он полон удовольствий, приключений и радостных событий, вы проведёте свою жизнь так, как заслуживаете по настоящему, в роскоши и утехах. Выбор свободен, ибо в отличие от некоторых, я уважаю свободную волю.

Из толпы кто-то крикнул:

– А что будет после смерти, искуситель? Ты ведь заберёшь наши души в ад!

Изуш вновь закатил глаза, но уже не от удовольствия, а делая вид, будто человек сморозил глупость. Парень возразил:

– Это очередная сказка, о душе. Её нет. Наука уже давно доказала, что её нет, вы же верите науке? Подумайте, сколько принесла религия смертей и войн, а наука, к примеру, себе такого не позволяет.

Изуш швырнул в толпу книгу «Душа – миф человечества», которая размножилась в таком количестве, чтобы хватило каждому. Деревенские люди очень доверяют науке, так как редко с ней сталкиваются, но когда видят какие-то необычайные технические чудеса и им говорят что это наука, её авторитет возрастает многократно. Жители Еружалема были такими же людьми, которые слышаны о чудесах науки, и не поверить сейчас ей было бы просто глупо. Тем более Изуш так верно вещал с кафедры, а Мария была так хороша и соблазнительна. Один лишь Фридрих Ешцин сомневался во всём этом:

– Это не религия убивает людей, а сами люди, не понявшие смысла, истребляют друг друга. Наука тоже хороша, и ты, искуситель, утверждаешь, что она не убивает? А как же все новые и новые орудия для убийств, способное с каждым изобретением убивать всё больше и больше людей?

Изуш посмотрел на Ешцина и произнёс:

– Люди могут убивать с помощью науки, но никогда не станут убивать во имя её идей, хотя это было бы более справедливо, ведь религиозные идеалы не достижимы, а научные открытия, в конце концов, приведут к какой-то конечной точке, которая будет нести пользу людям. Да и сам путь науки, с каждым шагом даёт человечеству пользу. Забудьте о Библии, и поймите, главный в этом мироздании не я, и не Бог, а человек. Я же, Дьявол, могу лишь сыграть роль проповедника, и показать вам иной путь, дать выбор!

– Хороший же ты проповедник! Распял священника, совершил убийство! – гневно закричал Ешцин.

– А вот в этом, вы сами и виноваты. Люди по-другому не понимают, их внимание можно привлечь лишь силой, болью и смертью. Я вас не виню, тут уж проблема идёт от самого вашего создания, и рабская натура так же не способствует ничему хорошему. Запомните, страдание – это не великое благо, мы, технократы, против такого определения! Я готов дать вам все удовольствия, которые пожелаете, не обрекая вас на страдания, если вы согласны наконец-то стать свободными!

Толпа ответила одобрителем гулом. В этот момент Мария закончила своё дело, и получив результат на лицо и губы. Изуш улыбнувшись, обратился к толпе:

– Я очень рад, что вы теперь со мною, но осталась одна маленькая проблемка, это ваши семьи. Они единственная преграда на пути к вашему счастью, удовольствиям и богатству. Дабы мы скрепили нашу сделку, я бы вам порекомендовал избавиться от ваших семей, женщины и дети плохо воспринимают свободу. Они всю жизнь свою сознательную лишь подчиняются, и не смогут принять в себя идею свободы. Вы должны спасти их, и единственный способ – это обрвать их жизни. Толпа в ужасе загудела. Один из людей, осмелев, произнёс:

– В смысле избавиться, ты предлагаешь убить нам своих детей и жён?

Изуш посмотрел на мужчину и сказал:

– Да, я хочу, что бы вы пролили их кровь, в знак своей верности и нашего единения.

– Но как же так можно! Мы не будем брать грех из-за тебя, демон! – закричала толпа.

Гулкий ропот пронёсся волной.

Изуш лишь улыбнулся, и изрёк:

– Что ж, это ваше право. Мне нравится человек именно своей способностью выбирать свой путь. Возвращайтесь назад к своим жёнам и детям, идите обратно к своему унылому и серому быту, забыв про новые возможности. Забыв про то, что можно получить новых жён и новых детей. Возвращайтесь в деревню, я буду ждать вас ровно час, затем я забираю назад своё предложение, а вы можете остаться при своём рабстве.

В осквернённом храме повисла тишина, и люди под её оглушительную пустоту, побрели прочь из этого места. В умах у них было одно, и не распятый Иштен, не зловещая тишина, которая повисла в этой ночи, не могли их переубедить. Все отправились в Еружалем, кроме Фридриха Ешцина. Дождавшись пока все жители перейдут через Юрден, священник обратился к Изушу:

– Зачем ты пришёл в эту деревню?

Парень трогал Марию за грудь, и, не оборачиваясь к Фридриху, ответил:

– Я люблю такие места. Здесь ещё остались настоящие праведники, которых не смогли искусить мои демоны. За такие трудные места приходится браться мне самому.

– Ты думаешь, они примут твоё предложение? Они захотят отдать свои души тебе?

– Я не думаю, я знаю, это видно в их глазах. Они их уже отдали, скоро прольётся кровь, и скрепят сей договор. Мне нужна лишь маленькая брешь, тонюсенькая, и вот он я. Моя песнь звучит, звонче и звонче пробивая себе дорогу, – произнёс Изуш, трогая Марию. Затем парень кивнул на распятого Иштара, – одни сомнения, ничего более. Вот и весь человек. А вот интересно чего хочешь ты? Ведь у тебя тоже есть желания. Насколько я знаю у вас священников плохо с плотскими утехами, я же могу сделать так, чтобы тебе помогли. Мария, – обратился Изуш к девушке, – помоги нашему другу.

Мария улыбнулась в ответ, и медленным шагом подошла к Ешцину, сквозь огненную стену, которая после соприкосновения с девушкой исчезла. Мария начала ласкать и гладить Фридриха, лезть ему в штаны.

– Этого ты хочешь, за свою душу священник? – спросил Изуш.

– Не только, – ответил Ешцин, отстраняя девушку, – я хочу успеха и признания на научном поприще. Я хочу стать самым известным на многие века философом и научным деятелем, ты, как технократ понимаешь, о чём я. Пусть моя душа будет продана дороже.

Затем Фридрих посмотрел на Марию, которая улыбалась ему, и изрёк:

– Ну, от хороших женщин я бы тоже не стал отказываться.

– Что ж твоё желание достойно. Чем больше назначаешь цену за свою душу, тем больше мне нравится эту цену оплачивать, мало, кто просит о таком. Ты готов отказаться от Бога и следовать за мной? Ты готов обрести впервые за свою недолгую жизнь свободу?

– Да.

– Хорошо, что бы закрепить сделку, убей это тело, – Изуш похлопал себя рукой по груди, – так ты отречёшься от его пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.